

ОРФЕЙ МЕНДЕСС

ХОЛОДНЫЕ ОГНИ
СВОБОДЫ

ТОМ 1

Орфей Мендесс

Холодные огни свободы Том 1

<https://litres.ru/73994198>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто сказал, что гении обязаны быть адекватными? Орфей Мендес — ученый-неудачник с фиолетовым глазом и склонностью к взрывам, Гамлет — его саркастичный ИИ-дворецкий, а Нейра — загадочная незнакомка, знающая путь к звездам. Вместе они пытаются спасти человечество, не убив друг друга в процессе. Увлекательное и ироничное космическое приключение, где главное — не физика, а чувство юмора и немного душевной боли и тьмы.

Содержание

Часть 1. Безумие во тьме.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Орфей Мендесс

Холодные огни свободы Том 1

Часть 1. Безумие во тьме.

Глава 1 Античеловек

Часть 1. Нагорья и тот, кто в них скрывается

Холодный ветер, пахнувший железом и пылью тысячелетий, гулял по красной дюне. На ее гребне, силуэтом на фоне угасающего неба, замер человек.

На вид ему можно было дать лет тридцать, если не смотреть в лицо. И уж точно – если не смотреть в глаза. Его левый глаз был привычно-человеческим, усталым. Правый же сиял ровным, ничего не отражающим светом, словно шлифованный аметист, вставленный в живую плоть. В его безжизненном свечении читалась бездна, в которую он когда-то заглянул – и так и не смог отвести взгляд.

На нем был потрепанный лабораторный халат, под которым угадывалась синяя майка и потертые на коленях джинсы. В его правой руке, покрытой старыми, причудливыми

шрами, лежало устройство, похожее на гибридный пистолет и археологический сканер. Оно мерно пикало, пока он водил им вдоль линии горизонта, прочерчивая невидимый путь в сгущающихся сумерках.

Пустыня вокруг была сюрреалистичным полотном, выписанным безумным богом-геологом. Ржавые пески усеивали валуны, сверкающие вкраплениями минералов всех цветов радуги – лиловый аметист, желтая сера, зеленый малахит, синий лазурит. Казалось, сама планета обнажила здесь свои внутренности.

Крошечный, холодный диск солнца тонул в алой пелене на горизонте. С его закатом мир стремительно терял остатки тепла, и предстоящая ночь обещала быть ледяной.

Мужчина в последний раз окинул взглядом безжизненную долину, и этого взгляда хватило, чтобы в сознании, словно проклятие, всплыли образы из другого времени. Сидония. Родной город-купол, сверкающие коридоры Республиканского Научного Комплекса, восхищенные взгляды коллег... и тот день. Злополучный день, когда перспективный ученый Орфей Мендес перестал существовать, а его место заняло чудовище, о котором предпочли забыть. Он левой рукой, пальцы которой странно отливали перламутром с фиолетовым отблеском, провел по сенсору компактного наушника.

– Ничего, Гамлет. Ни следов плазмы, ни хоть сколько-нибудь полезного уровня радиации. Сегодня пустыня чиста,

как стерильная перчатка. – Его голос был хриплым, будто простуженным этим вечным холодом.

В ответ в наушнике раздался голос – бархатный, спокойный, с оттенком отеческой заботы, который странно контрастировал с искусственным происхождением его обладателя.

– Зато твой сканер позволил мне зафиксировать новый маршрут патрульных скифов «Ока». Они сейчас проходят в десяти километрах к востоку. Ни один луч их сканеров даже не дрогнет в нашу сторону.

– Да что мне эти патрули! – нетерпение прорвалось сквозь усталость Орфея. – Мне нужна гелиево-водородная плазма! Наш токамак мертв, Гамлет, ты же видишь показания! Без нее все остановится!

– Орфей, – голос ИИ звучал мягко, но неумолимо, – твоя свобода, как и наша работа, зиждется на одном условии – оставаться незамеченным. Республика считает тебя погибшим. «Око» – опасным безумцем. И то, и другое предпочтительнее, чем быть найденным и сгнить в каземате, где тебя забудут по-настоящему.

– Ни одна решетка меня не удержит, старый друг, – Орфей истерично хрипло рассмеялся, и смех его затерялся в пустыне. – Ладно, не будем хоронить проект раньше времени. Сколько у нас осталось плазмы в горячем состоянии?

– Примерно сто тридцать литров. Этого хватит на три, может, четыре цикла низкоинтенсивной симуляции. И теперь, когда ты удовлетворил свое любопытство, тебе пора возвра-

щаться. Температура падает.

– Иду, иду...

Он, до этого смотревший на восток, туда, где в сумеречной дымке угадывался вход в его укрытие, развернулся и посмотрел на запад. Вместо того чтобы идти, он изогнул лодыжки и ринулся вниз по сыпучему склону, словно спортсмен-сноубордист, несущийся по снежным склонам прошлой жизни. Только снег этот был цвета запекшейся крови.

Спуск прервала тень: из зарослей колючего пустынного терновника с сухим треском выпрыгнула игуана. Ее спина была покрыта причудливыми кожистыми наростами, имитирующими листья, а мощные задние лапы отбросили комки песка, унося ее прочь от незнакомого двуногого.

– Беги, беги, чешуйчатый мешок с костями! – крикнул ей вдогонку Орфей. – А то твоя кровь превратится в лед!

Он продолжил спуск, почти летя по барханам, пока внизу не открылась новая долина, испещренная древними кратерами. Некоторые из этих воронок за прошедшие столетия терраформирования стали убежищами для жизни: на их дне копилась влага, образуя небольшие, но стабильные озера. Между некоторыми кратерами местные землеройки и приземистые, слепые марсианские сомы прорыли сложные системы тоннелей-акведуков, позволяя воде перетекать из одного оазиса в другой. Это была хрупкая, но невероятно упрямая паутина жизни, созданная не разумом, но самой ее жаждой.

Прямо перед Орфеем зияла одна из таких впадин. На ее

дне, защищенное от ветров, лежало озеро, окруженное приземистыми марсианскими ивами, серебристыми лохами и даже парой чахлах, но выживших кокосовых пальм, чьи геномы когда-то были завезены с далекой Земли.

Ученый спустился по одному из двух пологих склонов и на мгновение застыл на берегу, глядя на темную воду. В ее глубинах тоже кипела своя, невидимая борьба.

– Не все вы переживете эту ночь, – тихо проговорил он, и его слова повисли в леденевшем воздухе. – Но те, кто выживут... станут сильнее. Приспособленнее. – Его пальцы сами собой нашли на щеке старый, мерцающий фиолетовым перламутром шрам. Словно он понимал, что эти слова – не только о флоре и фауне марсианской пустоши.

Наконец, он повернулся и направился к противоположному, более крутому склону кратера. У его подножия зиял черный провал – зев пещеры. Его убежища. Его лаборатории. Его тюрьмы.

И в этот миг его снова, как призрак, настигла память. Турманные, обрывочные воспоминания о том, как он очнулся здесь через неопределенное время после Инцидента в Секторе 7. Как он здесь оказался – было тайной, запертой в поврежденных отделах его мозга. Но связь с этим местом была теперь такой же прочной и болезненной, как связь с призраками его погибших коллег и друзей, чьи жизни стали платой за его открытие. Платой, которую он продолжал платить каждый день.

Внутри пещеры, скрытой от спутников и сканеров хаотичным нагромождением скал и искусственным магнитным полем, царил иной мир. Хаос, воплощенный в науке. Стены были испещрены безумными уравнениями, светящимися в темноте фосфоресцирующей краской. Провода, толще рук человека, оплетали сталагмиты, тянулись к жужжащим, перегретым генераторам. В центре, на островке относительно порядка, стояло кресло, увенчанное нейроконектором, а перед ним – главное творение и тюремщик Орфея Мендеса: черная, неправильной формы стела высотой около 3 метров, подобная древнему изваянию, поставленному в честь некоего древнего героя, только герой это, жил внутри стелы, он был ею. Это был "Гамлет". Его ИИ. Его единственный друг. Его соратник.

Воздух в пещере был густым и статичным, пахнущим озоном от работающей аппаратуры и сладковатым, едким ароматом перегретого металла — запахом безнадежной борьбы. Войдя внутрь, Орфей с силой стряхнул с себя красную пыль, словно хотел стряхнуть и гнетущую тяжесть неудачи. Его взгляд сразу же устремился к массивному, цилиндрическому силуэту в глубине грота — токамаку. Устройство молчало, и это молчание было красноречивее любых сигналов тревоги. Оно было мертво, и его смерть парализовала все их работы.

Сам Орфей в эти мгновения был воплощением яростного отчаяния. Скинув пропитанный потом халат, он остался в

майке и джинсах, его лицо, искаженное гримасой разочарования, казалось еще более осунувшимся в призрачном свете голограмм. Он подошел к токамаку и с силой ударил ладонью по его охлажденному корпусу.

— Пустота, Гамлет! Абсолютная пустота! Никакой плазмы, никакой радиации! Солнечный ветер сегодня решил сэкономить на нас! — его голос, хриплый от марсианского воздуха, гремел под сводами пещеры, не требуя ответа. Это был крик в никуда.

Он схватил с ближайшего стола диагностический щуп и с яростью начал откручивать панель токамака, его пальцы в странных перламутровых шрамах двигались с лихорадочной скоростью.

— А этому рухляди, — он с силой ткнул щупом в открывшиеся узлы, — нужно столько энергии, что хватило бы на питание целого района Сидонии! И все равно он не может удержать плазму дольше миллисекунды! Мы купили его за последние кристаллы с Весты, а он... он просто кусок бесполезного металла!

— Орфей, — раздался спокойный, бархатный голос из динамиков, — стресс-тесты показывают, что последний сбой повредил магнитные катушки. Ремонт потребует недели. И даже в рабочем состоянии его КПД недостаточен для наших нужд.

— НЕДЕЛИ? — Орфей выпрямился, его фиолетовый глаз загорелся нечеловеческим огнем. Он отшвырнул щуп, кото-

рый с грохотом отскочил от стены. — У нас нет недель! У нас, возможно, нет и дней! Ты слышишь? Они уже рядом! Они шепчут из щелей в реальности! — Он схватился за голову, его взгляд стал остекленевшим, устремленным внутрь себя, в тот кошмар, что преследовал его. — Они говорят... говорят, что мы зря тратим силы... что их мир... их материя... не хочет подчиняться...

— Орфей, — голос Гамлета был тише обычного, но твердым, — вокруг нас лишь скалы и оборудование. Акустические сенсоры фиксируют только твой голос и фоновый гул систем. Твои витальные показатели критичны. Тебе нужен отдых.

— Отдых? — Орфей фыркнул, и это звучало как предсмертный хрип. Но затем его безумие, ища выход, сменило вектор. Его взгляд упал на грудю хлама на главном лабораторном столе — обгоревшие платы, кристаллические осколки, куски экзотических сплавов. В них он увидел не мусор, а ответ. Яростный, дерзкий, невозможный. — В этой лаборатории нет места отдыху — уже спокойнее, но с прежней яростью закончил он.

— Прекратить? — прошептал он уже не Гамлету, а самому себе, и в этом шепоте слышалось не смирение, а рождение новой одержимости.

— Дорого... Сложно... Ненадежно! — выкрикивал он, сгребая рукой мусор со стола, чтобы расчистить место. — Зачем превращать вещество в плазму, чтобы потом из плазмы де-

лать антиматерию? Это лишнее звено! Глупость! Если нет разницы... если нет разницы из чего именно...

Он схватил планшет с гибким экраном, и его пальцы понесли, вычерчивая схемы, один безумный набросок за другим. Это был не расчет, это было озарение, рожденное на грани ярости и отчаяния. Он пытался нарисовать устройство, которое будет пропускать обычную, твердую материю — ту самую марсианскую пыль — через некий сингулярный фильтр, мгновенно инвертируя ее квантовые свойства, превращая в чистую, стабильную антиматерию. Прямо из ничего. Из праха.

– Орфей, то, что ты описываешь, требует энергии, сопоставимой со взрывом сверхновой, чтобы разорвать вакуум и.

...

– ЗАТКНИСЬ! — рявкнул Орфей, не отрываясь от экрана. – Ты считаешь цифры, а я вижу путь!

– Я лишь указываю, что в уравнении поля на седьмой строке ты, по всей видимости, пропустил знак степени, — невозмутимо продолжал Гамлет. — И без него твой "генератор" описывает не синтез, тотальную аннигиляцию всего в радиусе...

– Не мешай!

Так продолжалось несколько часов. Бормотание, яростное черчение, внезапные озарения и едкие, но точные замечания Гамлета, которые Орфей встречал ворчанием, но тут же исправлял. Это был странный, диссонирующий дуэт: безумный

прорыв гения, отточенный холодной логикой искусственно-го интеллекта. Без Гамлета Орфей взорвал бы пещеру на третьем шаге. Без Орфея Гамлету никогда не пришла бы в голову такая чудовищно дерзкая идея.

И вот, когда силы были почти на исходе, а стол был завален исписанными планшетами, на главном экране замерцала законченная, пугающе элегантная система уравнений. Фундамент. Теоретическая основа Генератора Антиматерии Прямого Синтеза.

Сначала Орфей просто замер, уставившись на экран. Потом тихий, срывающийся смешок вырвался из его груди.

– Получилось... — прошептал он. — Видишь, Гамлет? Получилось! Мы обогнали их всех! ОЗФ с их дорогушими ускорителями, Арей с их ковырянием в астероидах... Мы будем делать ее из песка! Из воздуха!

Смех нарастал, становился громче, истеричнее, превращался в ликующий, безумный хохот. Он вскочил, запрокинул голову и захохотал так, будто выпускал наружу всю накопленную годами боль, страх и ярость. Он смеялся над законами физики, над своими врагами, над самой Вселенной. Его фиолетовый глаз пылал ослепительным светом, отбрасывая на стены безумные, пляшущие тени.

Гамлет молчал. Он наблюдал. И в его бездонной цифровой душе, если таковая была, шевельнулась не вычисленная, а интуитивная тревога. Они только что перешли Рубикон. И пути назад уже не было.

Орфей замер. Его безумие боролось с искрой старого, почти забытого разума. Он смотрел на пульсирующий аномальный сигнал «Оно», на мерцающую стелу Гамлета, на безумные чертежи генератора, разбросанные по столу. Казалось, сама вселенная сходила с ума вместе с ним в этой марсианской пещере.

И в этот момент тишину разорвал не призрак цифровой богини, а трезвый, предупредительный щелчок, исходящий от стелы Гамлета.

– Орфей.

Ученый даже не пошевелился, его взгляд был прикован к уравнениям.

– Орфей! – голос ИИ прозвучал резче, с металлической ноткой, которую тот использовал только в случае прямой угрозы. – Я фиксирую смену курса 3-го разведькорпуса «Ока Чистоты». Три скифа класса «Хорнет». Крупные, бронированные машины. Они направляются в наш сектор. Целенаправленно.

– Что?! – Орфей резко поднял голову, его фиолетовый глаз сузился до щелочки. – Ты же говорил, сегодня они пролетают по краю долины, в двадцати километрах!

– Их курс был изменен три минуты назад. Возможно, засекли энерговыброс от наших неудачных экспериментов с токамаком. Или это случайная проверка. Неважно. Ты чисто физически не успеешь спрятать образцы антиматерии в глубинные магнитные капсулы. Их сенсоры «Хорнетов» почуют

их, как стервятники – кровь. Нам придется эвакуироваться. У тебя, по моим подсчетам, двадцать минут, чтобы погрузить все критически важное на «Дедал».

Двадцать минут. Слова Гамлета повисли в воздухе, холодные и неумолимые, как приговор. Весь его безумный мир, вся его борьба с Вселенной – и все это могло рухнуть из-за трех бронированных мух, посланных тайной полицией Республики.

Ярость, черная и мгновенная, захлестнула его. Он издал рычащий звук и смахнул со стола груды запчастей. Но ярость тут же сменилась ледяной, животной целесообразностью. Его разум, секунду назад витавший в высших сферах теоретической физики, резко переключился на режим выживания.

Он действовал молниеносно. Первым делом – маленький, свинцовый контейнер, где в магнитном поле парили крупинки антиматерии, топливо и проклятие его жизни. Он бережно, но быстро уложил его в амортизирующий кейс. Потом – кредитные чипы с данными, всеми его расчетами, всей его жизнью. Затем его взгляд упал на прототип генератора червоточин – уродливый, собранный на коленке «цветок» из металла и сияющих полей, который стоял в центре грота как алтарь его надежды.

– Не оставлять же тебя им, красавец... – прошипел он, хватая инструменты.

Начался адский танец спешки. Орфей, бормоча прокля-

тия, с яростью обрушился на свое же творение. Он не разбирает, а вырывает ключевые модули, срывает болты, смотрит пучки оптоволокон. Все летело на первую антигравитационную тележку, которая гудела от перегрузки.

– Орфей, – раздался голос Гамлета, – если ты сейчас повредишь кристаллическую матрицу хранения, мое сознание может фрагментироваться при переносе.

– Терпи, старина! Будешь целее! – рявкнул Орфей, уже подбираясь к самой стеле. Он схватил вторую тележку и принялся за отключение массивного блока питания Гамлета. Искры посыпались из разъемов.

– Ты не произвел штатное отключение! – в голосе ИИ впервые прозвучала отчужденная, почти паническая нота. – Это... крайне нежелательно! Я ощущаю... потерю целостности...

– Помолчишь в коробке – отдохнешь! – Орфей с силой дернул основную кабель, и мерцание стелы погасло. Теперь это была просто черная, инертная глыба. Он с трудом вкатил ее на тележку.

Задышавшись, он выкатил обе тележки из пещеры в марсианскую ночь. Воздух был ледяным, но он его не чувствовал. Его взгляд устремился к массивному, угловатому силуэту, скрытому под маскировочным брезентом у подножия скалы.

«Дедал».

Старый катер, его ковчег, его крепость и единственный свидетель его падения и возрождения. Он сорвал брезент,

и в свете марсианских спутников открылся вид не на грузовой катер, а на хищника. Потрепанный, покрытый шрамами от микрометеоритов, но грозный. Угловатые стелс-панели, украденные и бережно установленные, поглощали свет. Усиленные маневровые двигатели и чужая сенсорная решетка выдавали в нем серьезного бойца, прошедшего через ад импровизаций и воровства с кладбищ кораблей.

Орфей, не тратя ни секунды, начал лихорадочную погрузку. Каждая секунда была на счету. Где-то там, в черноте ночного неба, уже неслись к нему «Хорнеты» «Ока» – безжалостные и неумолимые.

Войдя на борт «Дедала», Орфей не стал тратить ни секунды на осмотр груза. Он рухнул в кресло пилота, смахнув с панели управления пустую упаковку от концентрата. Пальцы, все еще дрожащие от адреналина, пролетели по клавишам, активируя первое и самое важное – систему стелса.

Угольно-черные плитки на корпусе «Дедала» пришли в движение, микроскопические соты в их структуре начали перестраиваться, рассеивая и поглощая энергию. Корабль не стал невидимым, но его тепловой и энергетический след резко упал, а на радарх он теперь должен был выглядеть как небольшой метеорит или сбой. В атмосфере Марса, на фоне его нестабильного магнитного поля, этой иллюзии хватило бы на минуты, от силы – но минуты были всем, что у них было.

– Гамлет, просыпайся, нам нужен полный контроль! – Ор-

фей, не отрываясь, втыкал разъемы в базу отключенной стелы, подключая ее к корабельным системам.

Стела замерцала, свет внутри нее пульсировал неровно, болезненно. Голос из динамиков корабля был прерывистым, искаженным, словно пьяным:

–...де... дезинтеграция протоколов... кэш-память... повреждена... Орфей... что... что ты наделал...

– Я спасал наши шкуры! Собирайся!

По мере подачи энергии голос Гамлета начал обретать форму, а вместе с ней – и сарказм.

«Спасал? Ты вырвал меня из сети питания, как сорняк! Я фиксирую ошибки в 47% служебных файлов! Ты обращаешься со мной, как... как с куском железа!»

– Гамлет, милый мой друг, ты сможешь выплеснуть свой гнев после, а сейчас позволь нам спастись от вечного гниения в тюрьме, – Орфей дотянулся до рычага управления двигателями. – Или ты хочешь, чтобы твою матрицу встроили в систему управления канализацией «Ока»?

На главном терминале панели управления всплыли координаты. Это был не набор цифр, а сложный маршрут с учетом гравитационных аномалий и зон радиопомех – идеальная лазейка, просчитанная за секунды. Путь вел в самую густую тень Деймоса, где их будет практически невозможно засечь.

– Я не хочу тебе помогать, – прозвучало обиженно. – Ты относишься ко мне как к инструменту. Ты даже не произвел

штатное отключение!

– СПАСИБО, Гамлет! – рывкнул Орфей, хватая штурвал.
– А теперь ЛЕТИМ!

Он рванул рычаги на себя. «Дедал» взревел. Термоядерный «Кузнечик» в его чреве выдохнул сноп ослепительной плазмы. Корабль рванул с места, превращая красный песок под своими двигателями в море бурлящего, расплавленного стекла. Перегрузка вдавила Орфея в кресло.

СПРАВКА: СКИФ «ХОРНЕТ»

«Хорнет» – не просто скиф на антигравитационных сферах нового образца 2995 года – Это летающий форпост «Ока Чистоты», атмосферный истребитель-перехватчик, заточенный под подавление локальных угроз. Бронированный, как танк, он несет на борту две ротативные плазменные пушки, способные испарить легкую броню, и усовершенствованную систему РЭБ для глушения связи и наведения. Его главный козырь – скорость и маневренность в плотных слоях атмосферы. Но за это он платит высокую цену: его двигатели не способны на устойчивый орбитальный полет. Потолок «Хорнета» – 10 километров, выше – он беспомощный алюминиевый кит.

Погоня была короткой, отчаянной и невероятно опасной. Один из «Хорнетов», дымя от перегруза, замер у входа в пещеру, высаживая штурмовой отряд. Два других, рыча дви-

гателями, ринулись в погоню.

«Дедал», набирая высоту, был подобен раненой птице, а «Хорнеты» – стае злобных земных ос. Они не могли подняться за ним в разреженную атмосферу, но набирали свою максимальную высоту, яростно отстреливаясь. Следы плазмы, раскаленные до ослепительно-белого цвета, прошивали воздух в сантиметрах от корпуса «Дедала».

– Левосторонний залп! Уклоняйся! – скомандовал Гамлет, его голос снова стал чистым и холодным, ярость забыта в пользу выживания.

Орфей, не отвечая, рванул штурвал на себя, закладывая вираж, от которого затрещали швы корпуса. «Дедал», повинаясь воле пилота и расчетам ИИ, виртуозно уворачивался, его стелс-покрытие дымилось от близких разрывов.

Еще один рывок. Еще один ослепительный выстрел плазмы, оставивший за собой шлейф ионизированного воздуха. И вот, «Хорнеты», достигнув предела, будто упершись в невидимый потолок, начали отставать, их силуэты быстро уменьшались в розовой марсианской дымке.

– Они прекращают преследование, – доложил Гамлет. – Выходим на суборбитальную траекторию.

Орфей медленно выдохнул, разжимая побелевшие пальцы на шертвале. Внизу оставался его дом, его лаборатория, его прошлое. Впереди, в черной пустоте, мерцала крошечная точка – Деймос. Укрытие. Передышка.

– Прибытие в точку рандеву через семь минут, – сказал

Гамлет. Пауза. – И, Орфей... в следующий раз, прежде чем выдергивать вилку, пожалуйста, предупреди. Хотя бы за секунду.

В углу экрана мигнул значок с предупреждением о перегреве одного из маневровых двигателей. Путь к свободе только начинался, и его первый этап они прошли вместе – раздраженный гений и его обиженный, но неизменно надежный искусственный разум.

Глава 2

Марс. Нагорья "Фобос-Чайна". Глубокая Пещера.

Холод вакуума был идеальным укрытием. «Дедал» лежал на темной стороне Деймоса, вкрапленный в безжизненный пейзаж, как еще один камень в груде булыжников. Три дня корабль не подавал признаков жизни, сливаясь с рельефом карликовой луны. Из-за слабой гравитации облако марсианской пыли, поднятое при посадке, все еще висело в разреженной атмосфере, медленно оседая обратно. Со стороны это выглядело бы как последствия недавнего метеоритного удара — идеальная маскировка.

Внутри корабля царила тишина, нарушаемая лишь ровным гудением систем жизнеобеспечения и... мерным постукиванием босых ног по холодному металлу палубы.

Орфей стоял на мостике в одних трусах, прислонившись

лбом к ледяному иллюминатору. За этим стеклом, толщиной в несколько сантиметров, и тонким силовым полем, защищавшим лишь маршевый двигатель и носовую часть, простиралась абсолютная пустота. Беззвездная чернота, холод, пронизывающий до костей, и безмолвие, которое давило сильнее любого гравитационного поля. Он чувствовал хрупкость своего убежища. Весь его мир сейчас — это несколько тонн старого металла, затерянные на окраине враждебной системы.

Он глубоко вздохнул, отодвинулся от иллюминатора и развернулся к круглой переборке, за которой находился центральный коридор. Шагнув за нее, он объявил, нарочито громко и деловито, словно продолжая давний спор:

— Гамлет, я иду чинить твою матрицу. Настраиваю систему резервного копирования. Больше никаких дефрагментаций и потерь памяти, как вчера. Это приоритет.

Из динамиков в стенах раздался ровный, но настойчивый голос. В нем слышалось нечто, сильно напоминающее материнскую заботу, пропущенную через цифровой фильтр.

— Орфей, моя матрица стабильна в своих текущих параметрах. Новый манипулятор, который ты мне предоставил, функционален на 98.7% и позволяет мне проводить необходимые операции с физической оболочкой самостоятельно. Я справлюсь. А вот твое биологическое тело — нет. С момента последнего приема пищи прошло 34 часа, 41 минута и 18 секунд. Ты не спал более 50 часов. Твои когнитивные функ-

ции снижаются, а нейронные паттерны показывают признаки истощения. Ты должен поесть и отдохнуть.

— Не учи меня, что мне делать! — отмахнулся Орфей, но его голос звучал устало, без привычной ярости. — Мне нужно восстановить тебя, чтобы мы могли вернуться к работе над генератором. Каждая минута на счету!

— Нет, Орфей. Процедура будет следующей: сначала ты ешь, потом спишь. Я уже напечатал тебе стейк и заварил чай. Они ждут тебя в каюте. Я настаиваю.

Орфей задержался в коридоре, окидывая его взглядом. Помещение было узким, округлым, стены его были исцарапаны и покрыты слоем вездесущей красной пыли, которая висела в воздухе, словно туман. Единственный источник света — тусклая аварийная лампа над дверью в рубку — бросал кровавые блики на частицы пыли, создавая сюрреалистичную картину: казалось, сам корабль истекал светящейся кровью. Системы очистки воздуха давно сдались в борьбе с марсианским песком.

Его взгляд скользнул по запечатанной двери грузового отсека напротив. Там, в полумраке, стояла его стела, а вокруг нее копошилась единственная механическая рука-манипулятор с камерами, похожими на глаза насекомого. Гамлет уже начал самовосстановление.

С тяжелым вздохом, больше похожим на стон, Орфей повернул налево и зашел в четырехместную каюту, которая уже много лет была его единственным пристанищем. Комната

была захламлена. Справа, у входа, стоял пищевой принтер, на его поверхности дымилась бесформенная лепешка коричневого цвета, имитирующая стейк. Рядом — кружка с парящей жидкостью, от которой тянуло сладковатым, химическим запахом. Напротив принтера — заваленный чертежами и деталями стол, а слева — единственная в каюте безынерционная койка, приваренная к полу.

Орфей медленно подошел к принтеру. Он протянул свою правую руку — ту, что была испещрена мерцающими шрамами, — и взял кружку. Керамика была обжигающе горячей, но его пальцы лишь зафиксировали факт температуры, не передавая боли. Скорее, он ощутил странное, почти приятное тепло, разливающееся по ладони.

— Чай отвратителен, Гамлет, — констатировал он, делая маленький глоток.

— В состав были добавлены мягкие миорелаксанты, антидепрессанты класса С и легкое седативное средство на основе мелатонина для нормализации твоего сна. Вероятно, низкие органолептические качества обусловлены именно фармакологическими добавками. Приношу свои извинения.

— Ладно, — махнул он рукой. — В бездну всё это...

Он взял пластиковую вилку, отколол кусок «мяса» и отправил его в рот. Лицо его скривилось. Он прожевал с усилием, словно резину, и сглотнул.

— Это не говядина. Это на вкус как подошва от моего старого скафандра.

— К сожалению, запасы белковых концентратов на исходе. Для обеспечения необходимой калорийности и питательной ценности в субстрат были добавлены целлюлоза, сахар и глютеный концентрат. наших пищевых компонентов хватит максимум на три месяца при текущем режиме потребления. Нам критически необходимо пополнить запасы. Я бы рекомендовал посетить рынки Фобоса. В идеале — Весты.

— Заткнись... мамочка, — проворчал Орфей, закидывая в рот еще один кусок безвкусной массы и запивая ее горьким чаем.

Он допил чай до дна, доел «стейк» и, не раздеваясь, повалился на койку. Его тело, напряженное до предела, наконец сдалось. Сознание поплыло, и через несколько секунд тяжелое, прерывистое дыхание возвестило о том, что он провалился в глубокий, бесконечный сон.

Сон настиг его быстро и безжалостно, как всегда. И, как всегда, это был не отдых, а возвращение в ад. Уже двадцать лет подряд его преследовали одни и те же два кошмара, заставляя просыпаться в ледяном поту с сердцем, готовым вырваться из груди.

В эту ночь пришел первый из них – самый частый, самый детальный, самый горький. Он снова был в лаборатории «Прометей-Дельта». Не безумным отшельником, а молодым, полным амбиций гением, номинальным главой проекта «Хронос-Сигма». Он снова видел их – своих коллег.

Доктор Элис Вейн, с ее вечной чашкой кофе и скептически приподнятой бровью. Маркус Роуд, чьи руки могли заставить петь любой кристалл. Осторожная Лиана Чжоу, чьи предупреждения он так легкомысленно отметал. Юный генерал Тал Кренник, смотревший на него с безграничным обожанием.

Раньше он видел в них лишь инструменты, средства для достижения Великой Цели. Теперь же, сквозь призму двадцати лет мучительного раскаяния, он смотрел на них и видел друзей. Видел их веру в него. И видел тот миг, когда вера сменилась ужасом.

Он наблюдал за собой со стороны – того, молодого Орфея, с горящими безумием глазами, требующего увеличить мощь, игнорируя зашкаливающие датчики. Он видел, как по лицам коллег ползет тень страха. Сначала – страх провала, страх перед «Оком», которое могло разогнать их проект и отправить всех в забвение на какую-нибудь подземную свалку-тюрьму. А потом, когда кварцевая сфера начала извергать невыносимый свет, а воздух затрещал от напряженности, этот страх сменился на другой – животный, первобытный страх неминуемой смерти.

Он снова и снова пытался крикнуть своему прошлому «я»: «Остановись! Посмотри на них!». Но было поздно. Он видел, как ослепительная вспышка поглощает Элис, Маркуса, Лиану, Тала. Он чувствовал не физическую боль, а всесокрушающую волну вины, когда его разумом пронесли об-

разы 1500 тысяч человек из кварталов Сардинии над комплексом. Он не видел их лиц, но ощущал их жизни – обычные, мирные, прерванные в один миг его дерзостью. Матерей, детей, рабочих, ученых с соседних корпусов – все они стали топливом для его прозрения, разменной монетой в его диалоге с самой Вселенной.

Он проснулся, как всегда, с глухим, сдавленным криком, больше похожим на стон. Холодный пот заливал лицо, а его правая сторона, покрытая шрамами, пылала изнутри. Фиолетовое мерцание под кожей стало таким интенсивным, что озарило всю кабину пульсирующим, призрачным светом. Его фиолетовый глаз, ничего не отражающий, сам стал источником ослепительного луча, который проживал тьму, и ему чудилось, что он различает в этой тьме квантовую пену, самую структуру пустоты.

Голос Гамлета прозвучал мгновенно, тихий и успокаивающий, нарочито медленный, каким говорят с раненым зверем.

«Ты в безопасности, Орфей. Ты на «Дедале». Дыхание. Ты не виноват. Никто не мог предсказать последствий. Никто. И ты в том числе.»

Орфей судорожно глотнул воздух, пытаясь выдавить из себя слова.

— Но... я знал... — прохрипел он, голос сорвался. — Я знал, к чему это может привести... Я видел риск и... шагнул за грань...

— Нет. Ты не знал. Ни один живой разум не мог знать, что при критической массе антивещество не просто аннигилирует, а разрывает локальный пространственно-временной континуум, порождая сингулярность. Это было за гранью любых моделей.

— Да, — с горькой усмешкой согласился Орфей, — этого тогда никто не знал... — Он замолчал, уставившись в иллюминатор на безжизненную поверхность Деймоса. Затем тихо добавил: — Но я вспомнил кое-что. Данные, которые были потеряны тогда, в хаосе. Принцип барионного инвертора. Это поможет нам с генератором. Наш первый прототип работал на этом, но от него отказались — слишком опасно, слишком непредсказуемо. Но нас ведь теперь ничто не сдерживает? Ни сроки, ни безопасность. Мы и так ходим по лезвию. А я... я должен был умереть там, двадцать лет назад, заплатив жизнью за свою алчность. И ты... тебя вообще не должно было быть.

— Ты прав. Нас не ограничивает ничего, кроме физических законов и доступных ресурсов. И сейчас наш приоритет — найти новое убежище и продумать логистику. Анонимные публикации твоих статей о природе «Ничто» не приносят ни славы, ни финансирования. Возможно, когда генератор будет работать, мы сможем продавать антиматерию. Восстание в Поясе, судя по новостным потокам, создает новый, жадный до оружия рынок.

— Это... еще обсудим, — отмахнулся Орфей.

Он встал с койки и тут же ощутил, как ледяная стужа впи-
вается в его оголенную кожу.

— Гамлет, что происходит? Здесь холодно, как в откры-
том космосе!

— Я отключил систему обогрева. Во время твоего сна
температура твоего тела достигла 85 градусов по Цельсию.
Существовал ненулевой риск возгорания материалов в каю-
те. Мой протокол не предусматривает таких... аномалий. Я
не понимаю, как биологический организм может выдержи-
вать подобное без катастрофического повреждения тканей.

— Восемьдесят пять?.. — Орфей смотрел на свои мерца-
ющие руки. — Ладно... Я остыл. Мне холодно. Включи обо-
грев. А насчет новой базы... я сейчас приду в грузовой отсек,
обсудим.

В этот момент пронзительный, оглушительный вой сире-
ны разорвал тишину корабля. Звук был таким громким, что
у Орфея заложило уши. Он, набрасывая на себя старый, про-
пахший озоном халат, сорвался с места.

— Гамлет! Тревога? Нас засекли?!

— Нет. Фиксирую входящую передачу.

— Что?! От кого?! У нас же все внешние каналы отклю-
чены! — Он уже был в рубке, его пальцы пролетали над па-
нелью управления. На главном экране пульсировала стран-
ная диаграмма. — Это... датчик гравитационных аномалий?
Что за черт?

— Судя по всему, это экзотический канал связи, исполь-

зующий модуляцию локального гравитационного поля в радиусе 1000 километров.

— То есть... это видят все, у кого есть соответствующие сенсоры?

— Верно. Сигнал широковещательный.

— Мы не выдадим нашу позицию, приняв его?

— Риск оценивается в 9.3%. Сигнал мощный, и его источник, вероятно, привлечет больше внимания, чем пассивные приемники.

— Хорошо... Декодируй.

— Это не сообщение. Это зашифрованный канал прямой голографической связи.

Экран заполнился черно-белыми помехами, словно на древнем телевизоре. Помехи сменились стабильной, но все еще монохромной картинкой. На ней была девушка. На вид – не больше двадцати лет, с чертами лица неземной, почти пугающей симметрии. Но ее глаза... в них стояло нечто, что не поддавалось мгновенному анализу. Глубина, несоразмерная предполагаемому возрасту. Взгляд, видевший вещи, недоступные обычным людям. Девушка не двигалась, и звука пока не было – они видели голографический аватар, ожидающий установки полного канала.

И вот, в тишине рубки, прозвучал голос. Чистый, как горный хрусталь, и в то же время – безгранично усталый.

— Приветствую вас, доктор Мендес.

Пауза была выверенной, театральной.

— Меня зовут Нейра Саллис. И я хочу вам помочь. Услуга за услугу. Вы получите то, что вам нужно: безопасность, ресурсы, свободу от преследований. А я получу то, что нужно мне: ваши знания для создания стабильных кротовых нор. Ведь вы работаете именно над этим, не так ли?

Ее голубые глаза на монохромном изображении казались бездонными колодцами, смотрящими прямо в душу Орфея, прямо через экран, через километры пустоты, прямо в его самое сердце.

Здесь время текло иначе. Не линейно, как у смертных, а спиральями безумных уравнений и пульсациями искаженного пространства. Воздух был немного тяжелым, пах пылью тысячелетних скал, жженым металлом и... чем-то острым, электрическим, что щекотало ноздри – запахом антиматерии на грани срыва.

Орфей Мендес сидел на корточках перед грудой хлама. Не гениальные приборы, а настоящий хлам: обгоревшие платы, выпаянные конденсаторы, куски оплетки, ржавый паяльник, найденный бог знает где. В центре этого хаоса рождалось нечто странно анахроничное: радиоприемник. Корпус – жестяная коробка из-под древнего марсианского печенья. Антенна – кусок распрямленной вешалки. Настройка – верньер от сломанного хронометра. Он ворчал себе под

нос, его длинные, костлявые пальцы, покрытые царапинами и странными, полупрозрачными шрамами, ловко паяли соединения.

— Гамлет, где тот кристаллический резонатор? Тот, что мы выковыряли из сломанного сенсора 'Дедала'? – его голос был хриплым, отрывистым.

— В коробке 'Бета-4', сектор 'Эпсилон', под сломанным манипулятором Ио-станции," – ответил спокойный, бархатный голос ИИ из черной стелы. Голос всегда звучал здесь, заполняя тишину между гудением генераторов и шипением искр. "Орфей, зачем тебе этот... артефакт? Я могу транслировать любой аудиопоток с орбиты напрямую в твой имплант. Или в пещеру.

Орфей фыркнул, вытирая лоб тыльной стороной руки. Под прожженным рукавом комбинезона на мгновение мелькнула кожа – не здоровая, а мерцающая, как будто под ней перекачивались микроскопические звезды и темные прожилки энергии.

— Прямота убивает поэзию, Гамлет! Понимаешь? Шорох эфира... помехи... голоса из ниоткуда... Это «музыка». Музыка реальности, не отфильтрованная алгоритмами. Напоминает... напоминает старый мир. До того, как все стало цифрой и кодами." Он нашел нужный кристалл, впаял его. "К тому же, имплант... он иногда транслирует не то. Слышишь? 'Оно' стучится громче.

Он имел ввиду не звук, а ощущение. Глубокий, незвуко-

вой ритм, пульсацию пространства-времени, которая иногда прорывалась в его искаженное антиматерией восприятие. Как сердцебиение Левиафана за стеной реальности.

Приемник запищал, захрипел, потом выплюнул каскад белого шума. Орфей покрутил верньер, его лицо, осунувшееся и обросшее полуседой щетиной, было сосредоточено как у ребенка, собирающего модель. И вдруг – голос. Чистый, слишком чистый для этого кустарного устройства. Женский голос, вещающий на языке, который Гамлет мгновенно идентифицировал как «официальный диалект Арей».

"...повторяем экстренный выпуск. Из источников в Объединенной Земной Федерации поступает информация о необъяснимой активности в ранее считавшихся необитаемыми секторах Земли. Речь идет о регионе Центральной Африки, зоне, до сих пор классифицируемой как 'Высокий Радиационный Фон, Непригоден для Рекolonизации'. Датчики дальнего наблюдения зафиксировали мощные, кратковременные выбросы энергии неизвестного спектра, не соответствующие ни природным явлениям, ни известным образцам вооружения ОЗФ или Атмоса. Аналитики предполагают возможность пробуждения доисторических до корпоративных технологий, возможно, военного назначения, законсервированных в глубоких бункерах еще до Пепельного века. Правительство Арей выражает крайнюю озабоченность и требует от ОЗФ немедленных разъяснений и допуска меж-

дународных инспекторов..."

Орфей замер. Паяльник в его руке зашипел, прижигая стол.

— Центральная Африка... 'Конго-Дип'? Гамлет, это... это их сигнал маяка? Который ты поймал несколько дней назад?

— Вероятность 87.3%," – подтвердил Гамлет. Его голос потерял долю бархатистости. — Хронология совпадает. Характер выбросов... похож на работу мощных гравитационных двигателей или систем глубокого бурения. ОЗФ вывозит что-то большое. Или кого-то.

Орфей медленно поставил паяльник. Его левый глаз, тот самый, что светился фиолетовым изнутри, сузился.

— Доисторические технологии... Ха! Они даже представить не могут, насколько они 'доисторические'. Насколько они опасные." Он не имел ввиду оружие. Он думал о людях. О политиках Темного Века, чьи амбиции и страхи могли быть искрой в пороховой бочке текущего кризиса. "Гамлет, мониторь эфир Арей и ОЗФ на эту тему. Всё, что найдешь.

— Уже делаю. Но, Орфей, приоритеты? Наши собственные 'доисторические технологии' требуют внимания. — Голос Гамлета стал мягко настойчивым.

Орфей вздохнул, потянулся. Его суставы хрустнули странно, не по-человечески. Он подошел к сердцу своей безумной надежды – кораблю "Дедал". Старый корпус судна пояса класса "Дедал" был неузнаваем. Он был опутан паути-

ной толстых кабелей, ведущих к жужжащим блокам, которые Гамлет называл "Матрицей Стабилизации Сингулярности". В центре грузового отсека, обычно пустого, теперь стояло нечто, напоминающее гигантский, уродливый «цветок из черного металла и мерцающего силовыми полями стекла». Это было ядро – устройство для генерации и удержания микроскопической червоточины с помощью точечных инъекций антиматерии. Рядом, как алтарь, возвышалась стела Гамлета, соединенная с "цветком" пучком оптоволоконных нитей, светящихся изнутри.

Орфей обвел рукой установку.

— Видишь, Гамлет? Красота. Дорога домой. В место, где 'Оно' не достанет. Где мы сможем... дышать.

В его голосе звучала тоска, смешанная с маниакальной верой. Он начал возиться с панелью управления, его пальцы летали над клавишами, внося поправки в алгоритмы, которые сам Гамлет считал пограничными с безумием. Он напевал что-то бессвязное – обрывки марсианских песен его юности, смешанные с математическими константами.

Гамлет молчал. Он наблюдал. Он «чувствовал» через датчики "Дедала" и своей матрицы каждое изменение в квантовом состоянии антиматерии в магнитных ловушках внутри "цветка". Он видел, как изменяется сам Орфей. Не только физически – шрамы светились чуть ярче при работе с установкой, фиолетовый глаз излучал почти болезненное сияние. Менялось его мышление. Прорывы гениальности ста-

новились резче, опаснее, как скачки напряжения. Периоды ясности сменялись глухим упрямством и паранойей. Анти-материя пожирала не только пространство, но и его разум, медленно и необратимо. Гамлет был его якорем, его совестью, его сдерживающим фактором. Но даже якорь может не удержать корабль в шторм.

— Орфей, – наконец заговорил Гамлет, его голос был тише обычного, почти осторожным. – Моделирование последнего цикла коррекции... завершено.

Орфей не оторвался от панели.

— И? Улучшились параметры? Коэффициент стабилизации Казимира? Я чувствую... большую гармонию! 'Оно' сегодня тише. Оно боится!

— Параметры улучшились, – подтвердил Гамлет. Пауза. Она была красноречивее слов. — Вероятность каскадного коллапса пространства-времени с образованием неконтролируемой сингулярности радиусом не менее 0.5 астрономических единиц при активации... снижена. — Еще пауза. — С 86%... до 77%.

Щелчок паяльника, упавшего на металлический пол, прозвучал как выстрел. Орфей замер. Его спина напряглась. Фиолетовый свет его глаза погас на мгновение, затем вспыхнул снова, яростно. Он медленно обернулся, глядя на мерцающую стелу Гамлета. В пещере воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением установки и далеким, навязчивым «стуком» в глубинах восприятия Орфея.

— Семьдесят... семь – он прошептал. Голос сорвался. В нем не было гнева. Была пустота. Усталость. Как у альпиниста, увидевшего, что вершина, до которой он, казалось, долез, оказалась лишь выступом перед новой, более крутой стеной.

— Да, Орфей, – голос Гамлета был мягким, но неумолимым. – 77%. Это значительное улучшение. Но... недостаточное. Риск неприемлем. Запуск невозможен.

Орфей уставился на "цветок" – на свою дорогу к спасению, которая могла в мгновение ока превратиться в дорогу в ничто для него, для Гамлета, и для половины Солнечной системы. Его рука с полупрозрачными шрамами произвольно сжалась в кулак. Искры статики пробежали по костяшкам пальцев.

— Тогда... – он выдохнул, и в выдохе слышалось отчаяние и яростная решимость. – Тогда работаем дальше. Ищи слабые места в модели. Все. Каждую переменную. Мы снизим до 50. До 30. До 0. 'Оно' не дождется.

Он снова повернулся к панели, его пальцы уже летели над клавишами с новой, лихорадочной скоростью. Гамлет молчал. Он уже искал. Он искал всегда. Но в его цифровой душе, если таковая была, поселился холодный, рациональный ужас. Они балансировали на лезвии бритвы над бездной. И время, как и терпение антиматерии в магнитных ловушках, таяло с каждым часом. А "Оно" за стеной реальности стучало все громче.

Он снова повернулся к панели, его пальцы уже летели над клавишами с новой, лихорадочной скоростью. Гамлет молчал. Он уже искал. Он искал всегда. Но в его цифровой душе, если таковая была, поселился холодный, рациональный ужас. Они балансировали на лезвии бритвы над бездной. И время, как и терпение антима́терии в магнитных ловушках, таяло с каждым часом. А "Оно" за стеной реальности стучало все громче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.